

Банкет подходил к концу. Гости в зале «Врата счастья и благополучия» разбились на кучки: кто-то пил чай, кто-то играл в карты.

Гуань Кэчжи сидела за столом для маджонга со старшими родственниками. Оглядевшись, она не нашла Тань Юмина. Лишь Шэнь Цзуннянь одиноко стоял у окна, погружённый в свои мысли.

Гуань Кэчжи помахала ему рукой и, заметив его бледность, спросила:

— Что с лицом? Я же просила вас просто пройтись с тостами, а не заливать в себя алкоголь! Где тебе тягаться с этими стариками из семьи Тань!

Шэнь Цзуннянь покачал головой:

— Всё нормально.

— Ты не видел дядю Чуншаня? Позови его, пожалуйста, — Гуань Кэчжи не могла отвлечься на телефон во время игры с родственниками. — Мне нужно ему кое-что сказать.

— Хорошо.

Обойдя главный зал и боковые комнаты, Шэнь Цзуннянь никого не нашёл. Проходя мимо террасы, он уже собирался толкнуть дверь, как вдруг услышал сдавленный, гневный голос Тань Чуншаня:

— Это намёк от семьи Ван или твоя собственная выдумка?

Шэнь Цзуннянь замер и решил зайти попозже. Но, уже разворачиваясь, он вдруг услышал своё имя.

Тань Цичжэн оправдывался:

— Я не против него, я просто рассуждаю здраво. Ты же сам понимаешь, почему семья Ван тянет время. Они так долго присматриваются к проекту в Норт-Пойнт именно потому, что они слишком тесно связаны.

Брачный союз — это глубокое сотрудничество, где каждая сторона получает свою выгоду. Если для семьи Тань привилегированным партнёром номер один всегда будет семья Шэнь, то любой другой окажется лишь на втором месте и будет довольствоваться остатками. Кто согласится на такую заведомо убыточную сделку?

Это несправедливо.

Да, семьи Шэнь и Тань сотрудничали поколениями, это факт. Но по сравнению со временами отцов и дедов, сейчас их связь стала просто удушающей.

Слишком тесная привязанность в какой-то мере таила в себе опасность.

— Ладно, допустим, это будет не семья Ван. Но Юмину всё равно придётся жениться. Ни одна другая семья не потерпит такого откровенно невыгодного положения. Кто захочет вступить в брак с семьёй Тань, заранее обрекая себя на унижение?

Тань Цичжэн сокрушённо вздохнул:

— Думаешь, мне нравится быть плохим парнем? Буквально только что дядюшки спрашивали: раз уж Цзуи помолвлена, когда ждать хороших новостей от Юмина?

— И что я должен был ответить? Я не знал. И отец не знал. Пришлось отшучиваться и уходить от темы. У этих стариков уже куча внуков, они сидят и хвастаются друг перед другом. А нашему отцу уже столько лет! У него сегодня юбилей, а он вынужден краснеть и переживать за внуков.

Дело было не в его старомодности, а в том, как на это смотрели окружающие. В кругах старшего поколения считалось: если дети женаты и дом полон внуков — значит, ты преуспел в жизни. Нравится это кому-то или нет, но таковы правила.

Тань Чуншань сверлил его подозрительным взглядом. Тань Цичжэн развёл руками:

— Старший брат, не делай из меня монстра. Я видел, как росли и Юмин, и Цзуннянь. Разве я могу ничего к нему не чувствовать? Если бы мне было плевать, я бы тогда ни за что не стал вмешиваться в дело с Шэнь Сяочаном, как бы Юмин меня ни умолял!

Тань Цичжэн всегда умел выйти сухим из воды и не лезть на рожон. Но тогда, когда ещё совсем молодой Шэнь Цзуннянь собирался свергнуть Шэнь Сяочана и ему нужны были связи, Тань Цичжэн тайно помог ему расчистить путь.

— Да, мальчик пробил себе дорогу сам. Он надёжный, заботливый. Я прекрасно помню, как хорошо он относится к нашей Цзуи. Но послушай меня: к нему применимо то же самое правило! Если он продолжит так нянчиться с Юмином, то и на своей личной жизни может поставить крест.

— Брак по расчёту — это создание теснейшего союза интересов. Если для него семья Тань всегда будет на первом месте, какая семья согласится быть на вторых ролях и отдаст за него свою дочь? В итоге не только Юмин не найдёт жену, но и сам Цзуннянь останется бобылём!

— И ещё: думаешь, за проектом в Норт-Пойнт слежу только я? Остальные родственники и акционеры тоже всё видят, просто помалкивают. Семья Ван выжидает, тянет резину. Чем дольше это продлится, тем больше у родни возникнет вопросов. Понимаешь, в каком неловком положении тогда окажется Цзуннянь?

До этого момента внешне спокойный Тань Чуншань вдруг зашёлся кашлем. Тань Цичжэн испуганно захлопал его по спине:

— Брат, брат! Ты в порядке? Всё-всё, молчу. Ты таблетки-то пьёшь? Давление меришь?

Тань Чуншань отмахнулся от него. Отдышавшись, он строго пригрозил:

— Чтоб я не слышал этих разговоров при мальчиках или при отце. Понял? Пусть это останется между нами.

Тань Цичжэн удручённо буркнул:

— Можно подумать, я болтун! Я делюсь этим только с тобой. Даже жене ни слова не сказал.

Тань Чуншань прогнал его, но сам возвращаться не спешил. Похлопал по карманам — коробочки с таблетками не оказалось. Он достал сигарету, прикурил и задумался о чём-то своём. Докурив, подождал, пока ветер выветрит запах табака, и только тогда направился в зал.

Навстречу ему вышел Шэнь Цзуннянь и протянул чашку чая:

— Дядя Тань, вас искала тётушка Гуань.

Тань Чуншань взял горячий чай:

— Спасибо. Ты тоже много не пей. Уважил самых старых родственников — и хватит.

Шэнь Цзуннянь отвёл взгляд от едва заметных седых волосков на голове мужчины:

— Угу.

Тань Чуншань подошёл к Гуань Кэчжи со спины и указал на крайние фишки:

— Понг.

Гуань Кэчжи удивлённо обернулась. Тань Чуншань посмотрел на неё сверху вниз со слабой

улыбкой:

— Почему не сбрасываешь? Игрок справа сейчас выигрывает.

Гуань Кэчжи цокнула языком:

— Зрителям просьба помалкивать.

— Как скажешь, — усмехнулся Тань Чуншань. — Цзуннянь сказал, ты меня искала?

Гуань Кэчжи потянула его на себя и зашептала:

— Сходи в чайную комнату. Старший брат отца, похоже, перебрал. Достал дедушку расспросами о женитьбе Юмина. Папа уже не знает, куда от него деться.

Этому старшему брату было почти девяносто. Из-за возраста и статуса никто из младших не смел его одёрнуть. Гуань Кэчжи попросила:

— Присмотри там за ними.

Тань Чуншань мысленно вздохнул. И с чего этот домашний дьяволёнок вдруг стал таким лакомым кусочком? Почему все только о нём и говорят?

— М? — переспросила Гуань Кэчжи.

Тань Чуншань не подал виду:

— Ничего. Пойду посмотрю. Играй.

Перед уходом он снова ткнул в её фишки:

— Попробуй собрать «Все понги» (комбинация из одних троек).

— ...

Дамы за столом начали подшучивать, что они столько лет женаты, а всё воркуют как голубки. Гуань Кэчжи со смехом отшутилась.

Поскольку было много пожилых гостей, банкет завершился в начале одиннадцатого. Тань

Юмин и Шэнь Цзуннянь снова провожали гостей.

Эти двое, только недавно сцепившиеся в ссоре, не показывали ни малейших признаков вражды. словно две красивые визитные карточки семьи Тань, они стояли по бокам от именинника. Один — живой и общительный, другой — сдержанный и спокойный, они идеально дополняли друг друга. Каждый понимал: эти двое молодых и привлекательных мужчин — будущее и надежда семьи, процветающей уже несколько поколений.

Но как только гости разъехались, обе «визитные карточки» разошлись по своим машинам. Шумный зал «Врата счастья и благополучия» окончательно погрузился во мрак.

Тань Юмин не понимал, что с ним происходит. Голова кружилась, поэтому он вызвал водителя.

Водитель не знал, что молодые господа в ссоре. «Бентли» и «Кайен» стояли на выезде, вежливо уступая друг другу дорогу, словно не могли расстаться.

Тань Юмин, до смерти испугавшись, что водитель сейчас посигналит в знак приветствия, выпалил:

— Он пропускает, так поехали!

Только после этого машины разъехались: одна налево, другая направо.

«Бентли» выехал на эстакаду. Свет неоновых фонарей внутренней кольцевой дороги заскользил по лицу Шэнь Цзунняня, словно искры, неспособные разжечь остывший пепел.

Громадные здания под чёрным куполом неба скалились, как хищные звери. Зал «Врата счастья и благополучия» превратился в корабль, плывущий сквозь ночь. Тань Юмин стоял у фальшборта, и морской ветер трепал его волосы.

Шэнь Цзуннянь нерешительно шагнул к нему. В этот миг счастье обрушилось на него подобно океанской волне, но вместе с ним, словно айсберг из тёмных вод, надвинулась опасность.

Корабль «Врата счастья и благополучия» начал идти ко дну, начиная с кормы. Морская пучина поглощала знакомые лица одно за другим. Сначала дедушку Таня, потом Гао Шухун, Тань Цичжэна, Тань Чуншаня, Гуань Кэчжи — одного за другим.

«Думаешь, за проектом в Норт-Пойнт слежу только я?»

«Если Юмин будет чудить — не потакай ему. Он не может вечно висеть на твоей шее».

« Шэнь Шэнь Цзуннянь, на свою помолвку я тебя не позову».

Цзуннянь окончательно потерял опору в этом бескрайнем бушующем море.

В конце концов водоворот затянул и Тань Юмина...

— Господин Шэнь, приехали.

Шэнь Цзуннянь резко открыл глаза. Остатки алкогольного дурмана как рукой сняло. Оказывается, он уснул. Спина покрылась холодным потом. Обернувшись, он увидел погружённую в темноту улицу Цзошидэн.

Кораблекрушение на «Вратах счастья и благополучия» преследовало Шэнь Цзунняня в кошмарах несколько ночей подряд. Заснуть после полуночи стало невозможно.

Сигарилл марки «1824» в пачке становилось всё меньше. Никотин не мог заполнить дыру в сердце, зато выжигал из лёгких весь кислород. Шэнь Цзуннянь стоял на балконе, оперевшись на перила, стряхивал пепел и о чём-то думал. Дождавшись рассвета, он возвращался в комнату, принимал душ и ехал на работу.

Бессонные ночи. Рассветы с ароматом «1824». Этот замкнутый круг отнимал у Шэнь Цзунняня время, сон и здоровье. Но вместе с тем исчезали его последние сомнения и попытки обмануть самого себя.

Он понимал, что настало время поговорить с Тань Юмином.

Поверхностное отдаление было сродни попытке напиться ядом. Разлука не решала проблему — это было лишь чесанием укуса через сапог. Оказалось, что таких полумер совершенно недостаточно.

Пепельница в квартире номер пятнадцать на улице Цзошидэн никогда не пустовала. А в офисе на неё и вовсе было страшно смотреть. Тань Юмин затушил сигарету. Как бы он ни думал, его фраза «я тебя не позову» всё-таки была перебором.

Прозвучало так, будто он решил разорвать отношения навсегда.

Видит бог, Тань Юмин даже в мыслях такого не держал! Просто из-за холодности Шэнь Цзунняня он растерялся, разозлился и наговорил лишнего, окончательно потеряв контроль над эмоциями.

Но ведь не он один виноват! Шэнь Цзуннянь вёл себя просто возмутительно. Будь на месте Тань Юмина кто-то менее терпеливый, он бы уже давно набросился на него с кулаками.

Тань Юмин с облегчением выдохнул и встал, чтобы открыть окно. Ворвавшийся летний морской бриз мгновенно выдул из комнаты тяжёлый табачный дым.

Он велел водителю подогнать машину и решил съездить на Финансовую улицу.

Гнев Тань Юмина вспыхивал быстро и так же быстро угасал. Ему было всё равно, кто первым пойдёт на попятную, и он не боялся «потерять лицо». Раз Шэнь Цзуннянь не хочет делать первый шаг, его сделает он. Нельзя же вечно играть в молчанку, это просто невыносимо!

Нравится заниматься новой энергетикой? Любишь зарабатывать деньги? Так хочешь на зарубежные рынки?

Отлично!

Этот молодой господин устроит тебе такие заработки, что мало не покажется!

На пятьдесят втором этаже Финансовой башни пять этажей занимал семейный офис Тань. Главный архитектор проектов с помощниками уже ждали его у дверей.

Тогда на Берлин-роуд он ляпнул, что выступит поручителем Шэнь Цзунняня, вовсе не сгоряча.

Встретившись с финансистами, специалистами по оценке рисков и юристами, Тань Юмин после полудня совещаний набросал черновой вариант соглашения о гарантиях для энергетического проекта. Он даже распорядился создать отдельный фонд для финансирования Шэнь Цзунняня. Речь шла не только о деньгах — это требовало подключения колоссального количества личных связей и услуг. Но Тань Юмину было плевать.

Зарабатывай, зарабатывай! Посмотрим, сколько ты в итоге сможешь загрести!

Когда с делами было покончено, юрист принёс отчёт о его личных активах за первое полугодие на подпись.

Тань Юмин расписывался в каждой графе, пребывая в некоторой прострации. Он редко обращал на это внимание — раньше всем занимался Шэнь Цзуннянь.

Стабильные доходы от аренды, дивиденды по акциям, регулярные выплаты из трастовых фондов, не считая скрытых счетов, облигаций и недвижимости... Только подписывая эти бумаги одну за другой, он вдруг чётко осознал, сколько денег Шэнь Цзуннянь заработал для него за эти годы.

Остатки накопившегося раздражения улетучились. Тань Юмин ещё сильнее пожалел о тех жестоких словах.

— Господин Тань, ваша ручка.

Сотрудник поднял упавшую ручку.

Пальцы Тань Юмина слегка дрожали. Он размял правое запястье левой рукой, немного передохнул и продолжил подписывать документы.

Когда всё было закончено, наступил вечер. Консультант проводил Тань Юмина до выхода из здания и ждал, пока водитель подгонит машину.

Главный инвестиционный директор семейного офиса, бывший брокер, без умолку рассказывал Тань Юмину о ситуации на рынке фьючерсов и изменениях в политике. Вдруг Тань Юмин повернул голову и уставился на угол улицы. Оттуда медленно выехал «Хорьх».

Шэнь Цзуннянь редко садился за руль этой машины.

В этом районе располагались офисы иностранных и местных банков и фондовых бирж. Улицы здесь были узкими, так что чёрный «Хорьх» двигался не слишком быстро.

Водитель всё не ехал. Тань Юмин потерял терпение, быстро перешёл дорогу и устремился за машиной. Он озирался по сторонам, надеясь поймать такси до зелёного сигнала светофора.

— Господин Тань?

Тань Юмин обернулся и увидел Ван Сыминь за рулём «Пагани». На ней был простой рабочий комбинезон, тёмные очки, а волосы стянуты в высокий хвост. Забыв о правилах приличия, он постучал по дверце и торопливо бросил:

— Есть время? Помоги проследить за машиной.

Ван Сыминь кивнула на соседнее сиденье:

— Садись.

Тань Юмин и подумать не мог, что однажды ему придётся следить за Шэнь Цзуннянем, чтобы узнать, куда тот направляется.

Поток машин тронулся. Серебристый «Пагани» рванул вперёд и, ловко маневрируя, пристроился за чёрным «Хорьхом».

Тань Юмин больше десяти лет проездил на пассажирском сиденье Шэнь Цзунняня. Он знал его стиль вождения как свои пять пальцев:

— На эстакаде он точно пойдёт на обгон. Можешь заранее перестроиться.

Ван Сыминь молча выполнила указание.

«Хорьх» направился не в центр, а в сторону района Биньчжоу или к горе Сяолань.

Биньчжоу считался серой зоной Хайши: чёрный рынок, тёмные сети и подпольные сделки. Там до сих пор орудовали остатки старых криминальных банд.

Тань Юмин невольно нахмурился.

То ли «Пагани» был слишком приметным, то ли водитель «Хорьха» оказался чересчур бдительным. Тань Юмин несколько раз неверно угадал направление, и они в итоге упустили машину из виду.

Ван Сыминь затормозила перед перекрёстком с тремя дорогами:

— Выбирай.

Тань Юмин заколебался.

— Быстрее, — поторопила Ван Сыминь. — «Хорьх» шёл на высокой скорости, придётся угадывать.

— Забудь, — ответил Тань Юмин. Шэнь Цзуннянь наверняка что-то заподозрил. — Возвращаемся.

— Бросаем погоню?

— Угу, — рассеянно кивнул он. — Всё равно не догоним.

Уж он-то знал скорость и навыки Шэнь Цзунняня.

Ван Сыминь съехала с эстакады и развернулась. Только тут до Тань Юмина дошло:

— Ты всегда так гоняешь?

— А что, быстро? — Ван Сыминь вписалась в поворот и снова вдавила педаль газа.

— Да меня аж в кресло вжало. — Тань Юмин уже почти не различал мелькающие за окном пейзажи.

— Тебе плохо? — Ван Сыминь взглянула на его побледневшее лицо в зеркало заднего вида. — Тогда сбавлю.

Скрытая тревога и затаённое беспокойство за будущее и настоящее давали о себе знать. Тело реагировало острее разума. Тань Юмин сам этого не замечал:

— Нормально, веди как вела.

— Здесь небезопасно, — объяснила Ван Сыминь. Будучи владелицей гостиничного бизнеса, она ещё до возвращения в страну досконально изучила районы Хайши. — Большинство этих земель до сих пор под контролем одной из ветвей «Триады Белого Журавля». Нам лучше здесь не задерживаться.

«Триада Белого Журавля» была крупной криминальной группировкой. В прошлом году во время полицейской операции её разгромили. Но остатки банды выжили и пытались восстановить влияние, помогая богачам из-за рубежа проворачивать тёмные делишки.

Но ведь на северо-западе, за Биньчжоу, находился новый завод «Хуаньту». Может, Шэнь Цзуннянь поехал туда с инспекцией?

Тань Юмин задумался, но спросить у Чжун Маньцин он уже не мог. Он спросил у Ван Сыминь:

— Я тебя от дел не оторвал?

— Нет. — Сегодня Ван Сыминь ездил в частный банк разбираться с личными активами, поэтому оделась просто. В таких местах, если у тебя есть деньги, то даже в мешке из-под картошки ты будешь главным. — Я как раз всё закончила и ехала обратно.

Тань Юмин попросил высадить его на Берлингтон-стрит.

— Спасибо за сегодня, — он вышел из машины и наклонился к окну, чтобы попрощаться.

Ван Сыминь сдвинула большие тёмные очки со лба на нос:

— Не за что. Возвращаю должок.

Молодой господин Тань всегда был законодателем мод в Хайши, когда дело касалось развлечений и отдыха. В своём недавнем интервью на форуме по туризму он невзначай упомянул её новый отель «Галерея», и это стало отличной рекламой.

Ван Сыминь не любила оставаться в долгу. Иначе бы она в жизни не стала влезать в чужие личные дела.

— Бывай. — Ван Сыминь подняла стекло, ударила по газам и умчалась прочь.

<http://bllate.org/book/17117/1614106>